
Посткоммунистическая Европа: человеческое измерение антикоммунистической революции

В.И. ИЛЬИН

Если смотреть на историю глазами рядовых граждан, а не политиков, смотрящих на мир с колокольни, имеющей очень ограниченное количество посадочных мест, то есть лишь один критерий оценки исторических перемен: динамика условий жизни основной массы населения. Иначе говоря, у истории есть человеческое измерение, которое в исторической литературе прослеживается весьма слабо. Цель данной статьи — обобщение разрозненных данных, оценивающих социальные результаты перехода стран Восточной Европы от этакратизма в коммунистической упаковке к капитализму. Масштаб, глубина и синхронность преобразований таковы, что этот процесс вполне может быть назван антикоммунистической восточно-европейской революцией. Главный исследовательский вопрос, стоящий в центре данной статьи: как выглядят итоги великой трансформации, происшедшей в Восточной Европе, начиная с рубежа 1980—1990-х годов с точки зрения «простого человека»? Иначе говоря, как изменилось пространство его возможностей?

Введение

Исходная методологическая посылка проста: индивид имеет много ипостасей и может наблюдать мир с разных сторон, в разных ракурсах, получая в результате картинки, нередко исключаящие друг друга. Если говорить об итогах социальной трансформации, то на первый план выходят две ключевые позиции, с которых «простой человек» смотрит на мир:

- 1) позиция работника;
- 2) позиция потребителя.

Есть и многие иные. Например, позиция индивида как политического актора. Это излюбленная позиция многих исследователей антикоммунистических трансформаций: итоги можно мерить количеством партий, независимых СМИ, свободой печати и т. д. Но к жизни «простого» человека это имеет косвенное отношение. Его не избирают депутатом, не назначают министром, он не делится своим мнением с многомиллионной аудиторией телезрителей или читателей. Лишь раз в несколько лет он может идти к урнам (правда, не всегда этим правом пользуется), чтобы отдать свой голос за одну из партий, выбирая меньшее из

зол. Политика для него — одна из сфер потребления. А политические свободы важны как проявление свободы выбора политической информации в пределах доступного ассортимента, обладающего некоторым разнообразием. Поскольку антикоммунистические революции начинались не в эпоху диктатур сталинского типа, то политические трансформации мало добавляют к пониманию человеческого измерения этой трансформации.

Трансформация с позиции работника

Результаты посткоммунистической трансформации, рассматриваемой с позиции работника, могут оцениваться по нескольким критериям:

- возможность работать;
- гарантии занятости;
- содержание и условия труда;
- вознаграждение труда.

Результаты этого среза трансформации далеко не однозначны.

Безработица

Переход к рынку, как правило, чреват появлением безработицы. Переход в условиях глобализации, порождающей конкуренцию экономик с разным потенциалом, еще более усиливает эту тенденцию.

Эти последствия были очевидны еще до начала рыночных реформ. Однако большинство населения, уставшее от коммунистической системы труда и распределения, интуитивно не принимало эту угрозу всерьез. Многие прямо отмахивались от напоминаний о возможности безработицы, приписывая эту страшилку коммунистической пропаганде. Страх смягчался и романтическими надеждами, которые можно сформулировать цитатой из «Двенадцати стульев»: «Запад нам поможет». Идиллические представления о судьбе безработного в западных странах также отодвигали страхи на задний план. В результате очевидное пришло в форме невероятного.

Общество столкнулось с процессом, который можно назвать *нормализацией безработицы*. Безработица превратилась в фактор личной жизни, стала восприниматься как нечто неизбежное, «само собой разумеющееся», «нормальное». Нормализация безработицы проявляется в разных формах.

1) Стабилизация уровня безработицы. Уже почти никто не ждет от рынка труда ни страшной катастрофы в форме массовой безработицы, ни чуда в виде ее полного исчезновения.

Уровень безработицы в новых странах Европейского союза по состоянию на июль 2005 г. характеризовался следующими показателями (в %): Словения — 5,9; Венгрия — 6,4; Эстония — 7,6; Чехия — 7,7; Литва — 7,8; Латвия — 8,8; Словакия — 15,2; Польша — 17,6. Для сравнения: страны зоны евро — 8,6, Германии — 9,3. Источник: [Spiegel Special 2005, p. 76].

Особенно сильно от безработицы страдает население Восточной Германии, которое попало в капкан, образовавшийся в результате переплетения рынка

и процесса объединения. После воссоединения страны в ФРГ было решено поднимать уровень оплаты труда в восточных землях до западных стандартов (иначе за что боролись?). Но в эту логику рыночного социального государства вмешался рынок. Перед германским капиталом встал простой вопрос: зачем инвестировать в восточные земли с такой высокой стоимостью рабочей силы, если существенно большую прибыль можно получить, вкладывая средства в Венгрию, Польшу или другие страны Восточной Европы? В 2004 г. уровень безработицы в Западной Германии составил 8,7%, а в Восточной — 18,5%, в целом по ФРГ — 10,8% [Müller 2005, p. 90].

2) Выработка навыка жизни в условиях риска потери рабочего места. Риск безработицы становится привычным, как многие другие риски (зачастую более опасные), о которых люди не задумывается ежедневно. А. Блок писал: «Жизнь как жизнь, ведь решена задача: все умрем».

3) Формирование у существенной части населения габитуса безработного. Иначе говоря, длительное время находящиеся без работы или регулярно ее теряющие начинают воспринимать свое состояние сначала как терпимое, потом — приемлемое, а в конце концов даже как желанное. В последней точке оно становится, говоря словами П. Бурдые, «свободной привычкой». Наличие шанса на трудоустройство в этой ситуации не является основанием для выхода из состояния безработицы. Это точка перехода в состояние *underclass*'а.

После антикоммунистической революции безработица стала главным механизмом социального исключения. Но этот выброс на обочину тяжело воспринимается вначале, а потом ситуация нормализуется, «жизнь на обочине» приобретая статус «нормальной жизни».

Падение «железного занавеса» и рынок труда

Один из главных результатов этой революции — падение «железного занавеса», и наиболее яркий эпизод этого процесса — разрушение Берлинской стены. Сбылась мечта массы диссидентов и свободолюбивых людей Восточной Европы: собственные власти уже не вправе отказывать в выезде людей на Запад. Остался лишь один барьер — право западных стран не пускать к себе соседей. Расширение границ Европейского союза существенно снизило значение и этой преграды для большинства стран Восточной Европы. Безвизовый режим сделал Западную Европу гораздо ближе.

Следствием падения «железного занавеса» и расширения Европейского союза стало формирование европейского рынка труда и капитала. Этот аспект великой трансформации имеет огромные социальные последствия для обеих частей Европы. Трансформация европейского рынка труда имеет несколько измерений:

1) Открылись ворота для экспорта капитала и рабочих мест в посткоммунистические страны.

Западный капитал, экспансия которого десятилетиями упиралась в «железный занавес», приобрел новые масштабные рынки не только в Восточной Европе, но и в Китае. Социальное государство, сформировавшееся в результате длительной классовой борьбы, вступило в полосу углубляющегося кризиса.

У него много причин, но одна из существенных — падение «железного занавеса». Буржуазия, имевшая прежде ограниченное пространство для маневра, была вынуждена идти на существенное повышение стоимости рабочей силы, на усиление ее социальной защищенности. В новых условиях любой прессинг на нее усиливает соблазн перевода производств на Восток, где ниже стоимость рабочей силы, где слабее социальная защищенность наемных работников.

Среднемесячная стоимость рабочей силы в 2003 г. в расчете на одного работника сферы производства и услуг характеризовалась следующими показателями (в евро): Латвия — 357; Литва — 487; Словакия — 565; Эстония — 608; Венгрия — 764; Чехия — 777; Польша — 783; Словения — 1497; Восточная Германия — 2360; Западная Германия — 3793. Обе Германии — только в промышленности. Источник: [Spiegel Special 2005, p. 46, 76]. Средняя почасовая оплата труда квалифицированного рабочего в западной Германии — 27 евро, в Польше, Чехии и Венгрии — 3—6, в Румынии — 2, в Украине — 1.

Иерархически упорядоченная шкала четко указывает вектор устремлений капитала, ищущего дешевую рабочую силу. Правда, переоценивать этот фактор нельзя: современный капитал ищет не только это. С середины 1990-х годов промышленность Германии потеряла примерно 1,3 млн рабочих мест. В то же время ФРГ превратилась в крупнейшего внешнего инвестора в страны Восточной Европы, достигнув годового уровня в 4 млрд евро [Ibid. P. 46].

Для населения Восточной Европы и Азии — это перспективы новых рабочих мест. Правда, нельзя забывать, что новые рабочие места часто приходят в ограниченном количестве на смену старым рабочим местам, которые ликвидируются в силу того, что местное производство не выдерживает конкуренции с западным капиталом.

2) Наемные работники Восточной Европы получили возможность легального и нелегального выезда на заработки на Запад. Этот процесс неоднозначен по своему содержанию. Люди едут в страны с более высокой заработной платой. С первого взгляда это воспринимается как нечто положительное. Но на заработки уезжают в основном те, кто потерял работу у себя дома. Чаще всего они едут для занятий трудом, требующим низкой квалификации, нередко гораздо ниже той, которая прежде давала им средства к существованию. Мигранты занимают ниши, отвергаемые местным населением. Сначала сотни тысяч польских и румынских строителей устремились на Запад, затем — сезонные рабочие, няни, уборщицы, домработницы из других стран Восточной Европы.

Согласно нормам Европейского союза граждане входящих в него стран могут свободно селиться в качестве самозанятых в любом регионе. Таким образом, малый бизнес стал одним из каналов миграции из Восточной Европы. Только в 2004 г. в Германии гражданами новых членов Евросоюза было зарегистрировано 4400 мелких фирм. Разрешается свободная сезонная миграция рабочей силы для работы в сельском хозяйстве и в ресторанном бизнесе. В 2004 г. 90% сезонных рабочих Германии прибыли из Польши. Всего в тот год иностранцам было выдано 324 тыс. разрешений на сезонную работу [Spiegel Special. International Edition. 7/2005: 42]. Нередко новые мелкие предприниматели — это бывшие высококвалифицированные специалисты.

Эмиграция

Всегда существовавшее притяжение Запада не ослабло с падением «железного занавеса». Когда он существовал, западная пропаганда определяла все попытки эмигрировать на Запад как «бегство в свободный мир». Сами беженцы перед телекамерами охотно объясняли, что всегда мечтали жить в демократическом обществе. Политическая демократизация восточноевропейских стран не изменила этой устремленности на Запад, т. к. в массовой мифологии Восточной Европы «демократия» всегда была демократией потребителей, способных выбирать товары и услуги. Более высокий уровень зарплаты, развитая инфраструктура в западных странах продолжают притягивать к себе большое количество жителей Восточной Европы. Примечательно, что после падения Берлинской стены миллионы жителей бывшей ГДР переселились в западные земли. Население новых земель ФРГ и Берлина с 1990 по 2003 г. уменьшилось на 7%, новых земель без Берлина на 8,32%. При этом население страны в целом выросло на 3,5% [Müller 2005, p. 106].

Особенно сильно уменьшилось население восточно-германских городов: Магдебурга — на 18,3%, Ростока — на 20,06%, Геры — на 17,6%, Шверина — на 23,4%. Всего уменьшение численности населения больших городов бывшей ГДР составило 2,6 млн человек, или 10,5% [Ibid. P. 109].

Формирование нового среднего класса

Переход к рыночной экономике открыл возможности для формирования нового среднего класса. Это группа статусных позиций наемных работников труда, обладающих высокой профессиональной квалификацией, что позволяет получать более или менее существенные дивиденды. В результате совокупные доходы людей, занимающих эти позиции, существенно выше, чем у большинства населения.

Падение коммунистической системы означало приватизацию культурных ресурсов. Ранее ими обладал индивид (например, формальное образование, реальные знания и навыки), но они рассматривались как благо, предоставленное партией и правительством через систему бесплатного образования, что предполагало отсутствие права на частное присвоение дивидендов. В посткоммунистический период эти ресурсы получили шанс на превращение в частный культурный капитал. Правда, эта трансформация опосредована рыночным спросом: культурный ресурс, не востребованный на рынке, остается благом, потребляемым для личного удовольствия (осознание своей значимости как обладателя диплома или степени, умение читать сложную литературу или говорить на иностранном языке и т. д.).

И часть бывшей «социалистической интеллигенции» превратилась в успешных менеджеров, чиновников, профессионалов и интеллектуалов, составляющих ядро нового среднего класса. Они больше всего выиграли от антикоммунистической революции и в материальном, и в духовном отношении.

В то же время часть бывшей интеллигенции оказалась исключенной из процессов трансформации в новый средний класс. Механизмы исключения разнообразны, но можно выделить два основных типа: рыночный и админис-

тративно-политический. Тенденция к глобализации рынка привела к ликвидации большого числа мест в сфере инженерно-конструкторских разработок и науки. Интеллектуальные центры, разрабатывающие новые образцы продукции, формируются, конечно, не в Восточной Европе. Сюда приходят либо готовые образцы для местного производства, либо готовая продукция для продажи. Культурные ресурсы этих категорий оказались обесцененными. И осталось два выхода: либо эмиграция на Запад для продолжения работы (перспектива, обусловленная многими факторами), либо переквалификация, означающая по сути дисквалификацию.

В ряде стран была проведена явная или скрытая идеологическая чистка. В наиболее ярком виде она прошла в Восточной Германии, но в той или иной форме она имела место и в других странах, где к власти сразу пришли политики с воинственной антикоммунистической позицией. Работники партийно-государственного аппарата, менеджеры высшего звена, офицеры спецслужб и вооруженных сил, исследователи и преподаватели общественных наук стали жертвами очищения от влияния номенклатуры. Масштабы этого явления зависели как от генетических связей новой правящей элиты с прежним режимом, так и от наличия кадрового потенциала для замены членов бывшей номенклатуры. Наибольшие возможности имелись, конечно, в Восточной Германии, где освободившиеся вакансии в органах власти, в администрации предприятий и вузах тут же замещались специалистами из Западной Германии, многие из которых имели проблемы с трудоустройством.

Экономическая динамика

Основой социального развития страны является ее экономический потенциал. Переход к рыночной экономике осуществлялся под флагом смены экономически неэффективного государственного хозяйства проверенными временем рыночными институтами. Но реальные экономические результаты оказались в лучшем случае сомнительными. В худших случаях последствия экономических преобразований были сопоставимы с военными разрушениями.

Наиболее глубокое падение наблюдалось в Югославии, Хорватии, Словакии и Румынии. Но и в самых передовых с точки зрения глубины и последовательности реформ странах (Венгрия, Польша, Чехословакия) уровень промышленного производства в 1992 г. находился примерно у отметки 70% от показателей 1989 г.

После 1993 г. действительно в ряде стран начинается рост производства. Но к 1999 г. дореволюционный уровень промышленного производства был превышен только в Польше (121,8), Словакии (101,7), Словении (105,3). Лучше всего итоги десятилетия выглядят в Польше: превышение дореволюционного уровня промышленного производства на 22%. Но в пересчете на год — это всего лишь 2%. При этом надо иметь в виду, что Польша в 1980-х годах переживала тяжелые социальные потрясения и ее экономика находилась в крайне тяжелом положении, там кризис начался существенно раньше, чем в других странах Восточной Европы, поэтому сравнение с 1989 г. для этой страны не может быть

Таблица 1. Динамика ВВП в 1989–2001 гг.

Страны	Индекс ВВП (1989 г. — 100)	Среднегодовая динамика ВВП, %, 1990 — 2000 гг.
Албания	109,0	3,7
Армения	70,3	– 1,9
Болгария	79,5	– 2,1
Эстония	88,6	– 0,5
Грузия	33,3	– 5,6
Югославия	47,9	–
Хорватия	82,6	0,6
Латвия	76,2	– 3,4
Литва	70,0	– 3,1
Македония	78,6	– 0,3
Молдова	36,0	– 9,7
Румыния	83,5	– 0,7
Польша	128,0	4,6
Россия	67,4	– 4,8
Словакия	104,5	2,1
Словения	113,6	2,7
Чехия	103,3	0,8
Украина	45,4	– 9,4
Венгрия	108,2	1,5
Беларусь	90,4	– 1,9

Источник: [Genov 2003: 5; Ivanov 2003: 203].

показателем эффективности трансформации. Когда экономика СССР начала демонстрировать такие темпы, которые сегодня выдаются за показатели успеха, в мире заговорили о надвигающемся кризисе советской системы. А в советской научной литературе и публицистике периода перестройки эти показатели использовались как свидетельство наступления «периода застоя».

Лишь в начале XXI в. экономическое оживление стало более или менее характерной чертой так называемого постсоциалистического мира. В 2000–2003 гг. среднегодовые темпы роста ВВП в Восточной Европе и Центральной Азии составили 4,7%. Чемпионами по темпам оказались: Туркменистан — 18,9%, Азербайджан — 10,7 %, Армения — 10,7%, Казахстан — 10,6%, Таджикистан — 9,5%. И по темпам роста ВВП постсоциалистический мир уступал только странам Южной Азии (5,2%). В Восточной Европе темпы были ниже, но признаки оживления налицо: в 2004 г. ВВП вырос в Словении на 4,6%, в Чехии — на 4%, в Польше — на 5,3%, в Венгрии — на 4%, в Словакии — 5,5%, в Литве — на 6,7%, в Эстонии — на 6,2%, в Латвии — на 8,5% [Spiegel Special 2005, p. 71, 136].

Окно в общество потребления

Движущей силой восточно-европейской революции был простой лозунг, звучавший в разных вариантах: «Хотим жить, как на Западе!» Воображаемым и желанным воплощением западного мира, в представлении широких слоев населения, всегда было общество потребления. Собственно политические характеристики этого мира если и интересовали население, то лишь как возможная предпосылка перехода к обществу переполненным товарами магазинов. Когда-то Наполеон отметил, что всякая революция, в конечном счете, является революцией желудков. Восточная Европа 1989—1990 гг. не стала исключением. Народ устал от вечного потребительского дефицита и однообразия. Сам по себе свод принципов политической организации, обычно именуемых «западной демократией», был важной целью лишь для тех, кто имел шанс влиться в политическую элиту или жить за счет продажи своей интеллектуальной продукции на свободном рынке (журналистов, писателей, художников, обществоведов и т. д.). Для остальных политическая свобода — это лишь возможность выбрать альтернативные источники информации, если, конечно, они интересны.

Антикоммунистическая революция прорубила окно в западное общество потребления. Разнообразные товары, по качеству в целом превосходящие те, которые были доступны прежде, хлынули через открывшиеся границы. В очень короткие сроки магазины всех стран региона оказались переполненными товарами, а слово «дефицит» ушло в историю. Достижение баланса на рынке потребительских товаров обеспечило совершенно новое качество жизни для самых широких слоев населения.

Многие товары оказались существенно доступнее. Наиболее ярким примером этого сдвига стал автомобиль — символ восточно-европейской мечты об обществе потребления. Через открытые границы с Запада хлынул поток подержанных автомобилей по самым разным ценам. Удельный вес обладателей личного транспорта в населении всех стран резко вырос. Попутно состоятельные слои населения получили доступ к новым западным автомобилям — как импортируемым, так и производимым филиалами западных заводов на месте.

Революция прорубила окно в западное общество потребления. А вскоре начали формироваться и собственные очаги общества потребления. В отличие от Запада полноправное гражданство в таких обществах имеет незначительное меньшинство, но большинство также пользуется их благами, правда, обладая более или менее ограниченными социальными правами и наблюдая полномасштабный праздник потребления в витринах, рекламе и СМИ.

Возникла новая форма социальной стратификации по критерию членства в обществе потребления. На верху иерархии — полноправные граждане, способные не только видеть, но покупать желанные товары, на дне — социально исключенные из общества потребления, способные лишь наблюдать его издали.

Субъективные сравнения двух эпох

Стало ли жить лучше и веселее? На эти вопросы отвечают многие люди, имеющие опыт жизни в двух системах. И однозначной оценки итогов революционных

Таблица 2. Удовлетворенность населения Германии (в %)

Изменение условий жизни с 1990 г.	Восток		Запад	
	1993	2000	1993	2000
улучшились	48	68	10	20
Никакой разницы нет	29	22	59	61
Ухудшились	23	9	31	16
Баланс удовлетворенности (соотношение оценивших условия как улучшившиеся и как ухудшившиеся)	+ 25	+59	- 21	+4

Источник: [Geißler 2001: 131].

трансформаций по критерию качества собственной жизни нет. Есть и выигравшие, и проигравшие, и масса тех, кому трудно сравнить несравнимое.

Больше всех в силу условий трансформации смогли выиграть восточные немцы. Но ряд исследований показывают неоднозначность оценок социальных итогов и в этой стране.

Большинство восточных немцев почувствовали улучшение условий жизни в сравнении с 1990 г. Те, кто отмечает ухудшение, с самого начала были меньшинством, сейчас они незначительное меньшинство. Баланс удовлетворенности, несомненно, положителен (на Востоке +59 в 2000 г.).

По данным другого исследования, ситуация явно не столь оптимистическая, но кардинально не отличающаяся: есть и выигравшие, и проигравшие. Оценки динамики качества жизни разные. Правда, в первом случае сравниваются кризисный год в истории ГДР и год благополучный из новой эпохи. Во втором случае сравнивается жизнь в условиях двух систем.

Стоило ли объединяться? С 1989 г. большинство восточных немцев были за этот шаг. В начале 1990-х годов 55% выражали удовлетворение тем, что «мы снова едины». Правда, 59% поддерживали очень осторожный скептицизм: только следующее поколение будет наслаждаться его результатами [Glunk 1996, p. 34].

Хотя жизнь в целом для большинства стала лучше, но в оценке ушедшей в прошлое ГДР нет преобладания темных тонов. Значительная часть населения вспоминает прошлое с ностальгическими чувствами.

И сравнение двух систем не укладывается в рамки шкалы «хорошо — плохо». Были преимущества у старой системы, как и есть достоинства у новой. Однозначные сравнения оказываются проблематичными.

Однако справедливость новой системы большинство восточных немцев, имеющих опыт жизни в ГДР, оценивают в целом критически. И по этому критерию заметно отличаются от своих западных соотечественников.

Международное сравнительное исследование I. Szelényi и D. Treiman, проведенное в 1993 и 2000 гг., показало наличие небольших позитивных сдвигов только в странах с неолиберальными реформами. Там удельный вес тех, кто утверждал, что в 1988 г. жил лучше, чем сейчас, несколько уменьшился в 2000 г. по сравнению с данными опроса 1993 г., в то время как в странах с неопатримониальными режимами их удельный вес продолжал расти. Таким образом, различий в социальной цене реформ в разных странах в 1993 г. не было, но появились к 2000 г. [Czismady 2003]. Но и в странах, которые считаются

Таблица 3. Оценка динамики качества жизни (Верны ли следующие утверждения?)

	Запад	Восток
«Качество жизни стало, пожалуй, хуже».		
1992	30	34
2000	29	37
«Большинство людей живет сегодня лучше, чем раньше»		
1992	42	16
2000	39	18
«Качество жизни осталось прежним».		
1992	27	49
2000	31	44

Источник: [Opaschowski 2001: 52].

Таблица 4. Оценка ГДР

«В ГДР все было не так уж плохо, как обычно считают». Оцените это утверждение.	В целом	Запад	Восток
Целиком и полностью согласен	10	6	27
Пожалуй, согласен	18	15	33
Пожалуй, не согласен	29	31	22
Совершенно не согласен	28	32	13
Не знаю	14	16	5

Источник: [Bürklin, Jung. 692].

Таблица 5. Сравнение преимуществ двух систем

Преимущества системы ГДР (большинство указали эти характеристики)	Преимущества системы ФРГ
Безопасность рабочего места (>90%)	Участие в политическом процессе (около 30%)
Забота о детях (>90%)	Политическая система (более 40%)
Защита от преступности (> 80%)	Защита против произвола государства (50%)
Социальная защищенность (>80%)	Уровень жизни (около 80%)
Образование для молодежи (80%)	Личная свобода (около 80%)
Равноправие (70%)	Потребление (более 90%)
Взаимоотношения людей	Экономика (около 90%)
Спорт	
Школьная система	
Забота государства Fürsorge	
Социальная справедливость	
Профессиональное развитие	

Источник: [Glunk 1996: 37].

Таблица 6. Оценка немцами справедливости своего общества

Является ли наше общество социально справедливым или социально несправедливым?	В целом	Запад	Восток
Скорее социально справедливое	41	45	27
Скорее социально несправедливое	54	50	68
Не знаю	5	5	5

Источник: [Bürklin, Jung: 692].

относительно успешными в проведении реформ, несмотря на некоторое снижение уровня пессимизма, он по-прежнему доминирует. Как пишет А. Kojder [Kojder 2004, p. 183], «системная трансформация в Польше, инициированная событиями 1989 г., сопровождалась верой в моральный и гражданский прогресс нового поколения политиков и в более гармоничные, чем при коммунистическом режиме, человеческие отношения. Оптимистическая надежда на лучшее будущее Польши и поляков держалась весьма недолго и начала рассеиваться уже в 1990-е годы». Теперь, по его словам, «прошлые прогнозы, пронизанные оптимизмом, оказались в основном наивными пожеланиями».

Исследование динамики оценок своего материального положения на Украине дает в целом гораздо более пессимистическую картину. Оценки социалистического периода были в основном позитивные, постсоциалистического — преимущественно негативные. Лишь мизерная доля опрошенных в первой половине 1990-х годов отмечала улучшение своего материального положения. Это разительный контраст даже в сравнении с «застойным» советским периодом (1982 г.).

В странах Балтии удельный вес жителей, констатирующих ухудшение своего положения в сравнении с советским временем, существенно меньше, чем в Украине, но все равно он очень значителен. По данным социологических опросов конца 1998 г., 34% населения Эстонии, 41% — Латвии и 44% — Литвы ощущали ухудшение своего экономического положения в сравнении с советским периодом [Симолян 2003, с. 244].

Примечательны данные, характеризующие восприятие жителями Балтии прошлого в сравнении с настоящим. Оценки советской экономики везде, исключая Эстонию 2000 г., существенно выше, чем ныне существующей экономической системы, которую большинство оценивают положительно только в Эстонии. Но симптоматично, что при всем критическом отношении к настоящему желающих вернуться в прошлое почти нет.

Таким образом, восточно-европейская антикоммунистическая революция по своим социальным результатам напоминает многие иные революции. Все они поднимались на волнах неудовлетворенности старым порядком и романтических надежд на светлое будущее. Когда дым революционных битв рассеивался, итоги всегда оказывались более прозаическими, хотя выигравшей части населения (она имела во всех революциях) картина могла казаться радужной. Восточно-европейская революция породила заметные слои, которые существенно выиграли от проведенных трансформаций, но в то же время она же породила и нисходящую социальную мобильность не менее, а часто и более широких

Таблица 7. Оценки прошлого и настоящего в странах Балтии

	Латвия		Литва		Эстония	
	1993	2000	1993	2000	1993	2000
Положительно оценили социалистическую экономику	59	76	75	83	53	44
Положительно оценили настоящую экономическую систему	21	37	22	25	43	79
Отрицательно оценили настоящую экономическую систему	62	51	66	70	40	13
Согласились бы вернуться в социалистическое прошлое	н. д.	1	н. д.	9	н. д.	4
Категорически не согласились бы вернуться в социалистическое прошлое	н. д.	98	н. д.	91	н. д.	92

Источник: [Симонян 2001: 114].

слоев. Поэтому общий лаконичный итог можно подвести банальной фразой: «Кому как повезло».

Литература

- Симонян Р. Страны Балтии: общее и особенное // Вопросы экономики. 2001. № 9.
- Симонян Р. Россия и страны Балтии. М.: Academia, 2003.
- Bürklin W., Jung C. Deutschland im Wandel // Deutschland — Trendbuch. Fakten und Orientierungen / R.-R. Rortr, W. Weidenfeld (Hrsg.). Oplanden: Leske+Budrich, 2001.
- Czismady A. Poverty and Ethnicity in Six Post-Socialist Countries // Vergleichende Sociologie osteuropaeischer Transformation. Osteuropa-Institut der FU Berlin. 2003. № 19.
- Geißler R. Sozialstruktur und gesellschaftlicher Wandel // Deutschland — Trendbuch. Fakten und Orientierungen / R.-R. Rortr, W. Weidenfeld (Hrsg.). Oplanden: Leske+Budrich, 2001.
- Genov N. Die Stunde fuer vergleichende Soziologie // Vergleichende Sociologie osteuropaeischer Transformation. Osteuropa-Institut der FU Berlin. 2003. № 19.
- Globalization. The New World // Spiegel Special. 2005. № 7.
- Spiegel Special. International Edition. 2005. № 7.
- Glunk F.R. Der gemittelte Deutsche. Eine statistische Spurensuche. Мьнchen: Deutschen Taschenbuch Verlag, 1996.
- Opaschowski H.W. Deutschland 2010. Wie wir morgen arbeiten and leben — Voraussagen der Wissenschaft zur Zukunft unserer Gesellschaft. Hamburg: B.A.T. Freizeit-Forschungsinstitute GmbH, 2001.
- Kojder A. Corruption in Poland: Symptoms, Causes, Scope and Attempted Counter-Measures // Polish Sociological Review. 2004. № 2.
- Müller U. Supergau Deutsche Einheit. Berlin: Rowohlt, 2005.